

УРОКИ ДЕТСТВА

ТЕМА детства сопровождала все события этой недели. Ракурс обусловлен Международным днем защиты детей, которым неделя благополучно завершилась, а новый месяц начался.

Тему обрамляли: дошкольники из документального фильма «Детство» и герои итальянского фильма «Дерево для деревянных башмаков».

Ибо дети, как, впрочем, это всегда и бывает, демонстрировали нам ту степень непринужденности, которая бывает недосыгаема для жизни в целом. С тоской и страстью стремится мир в гармоничное время — оно выглядит прекрасным, и тишина его легка. Его печали светлы и радости искренни, его желания бескорыстны и тайны полны смысла. Детство, по-видимому, и есть непринужденность, и праздник, венчавший неделю, естественным образом наводил на очевидный вопрос: кто из взрослых, показавшихся в последние семь дней на экранах телевизоров, смог сохранить в себе детство в большей мере?

Всякий человек, оказавшийся перед камерой и сознающий это, хоть в какой-то степени становится артистом. Но, как ни удивительно, первое требование, которое мы в таком случае предъявляем к его артистизму, — это требование естественности. И детская естественность, не имеющая отношения к искусству, становится главной мерой и эталоном.

Несуществующий приз этой теленедели мы с сердечным поклоном вручаем Евгению Лазареву, артисту Театра им. Маяковского. В течение получаса он читал отрывки из повести А. Н. Толстого «Детство Никиты». Тема недели воплотилась в теме литературного произведе-

ния — и залогом успеха стала та искренность, с какой артист непринужденно ввел зрителей в мир детских впечатлений. Не драпируя стены пушными тканями, не аккомпанируя себе на музыкальных инструментах, не выбирая изысканной мебели, актер читал замечательную книгу с прекрасной интонацией непосредственного чувства. Актер читал о детстве, которого у него и быть-то не могло, но в зимних сумерках страшно скрипели половицы пустых комнат, алел нежный румянец на щеках юной гостьи, трещали дрова в печи, падал тишайший снег, сказочно мерцала рождественская елка. Первая любовь перехватывала дух, и жар от печи пылал на лице мальчика; гулкая тишина в зале отзывалась одиночеством души — все жило на равных правах: дерево, свет, любовь, стихи.

Но непосредственное чувство нуждается в обуздании — иначе слезы безнадежной утраты станут его продолжением. И актер улыбается. О, сколько непроходимых лет в этой улыбке, как велика ее спасительная дистанция! Ностальгия по утраченному раю, по благословенному детству — вот результат этой получасовой передачи. Она прячется и вместе с тем открывается в застенчивой улыбке артиста. Мужественное возвращение к взрослым заботам — его и наш удел; кто это сознает, уже лишен безмятежности. Но обращение к ней, быть может, и питает наш дух животельной силой, хотя бы отчасти приобщая к утраченной гармонии.

Непринужденность, удаленная от нас на определенную дистанцию, оказалась продиктована тем высоким чувством меры, которое и создает искусство.

Но если какой-нибудь язвительный скептик скажет нам, что актер не бывает искренен, позвольте нам ему не поверить. Искренность в наше время — высокое искусство.

Е. ДАВЫДОВА.